

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

В ПЛЕНУ «ЭФФЕКТА СОСЕДСТВА»: СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И АКТИВИЗМ В НОВЫХ АНКЛАВНЫХ ЖИЛИЩНЫХ КОМПЛЕКСАХ

Елена Валерьевна Тыканова^a (elenatykanova@gmail.com)

Ксения Алексеевна Тенишева^b (ktenisheva@hse.ru)

^aСоциологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

^bНИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тыканова Е.В., Тенишева К.А. В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2): 7–35.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>

Аннотация. Появление анклавно расположенных высотных жилищных комплексов на окраинах крупных городов — сравнительно новое для России явление, связанное с особенностями отечественной строительной и жилищной политики. Жильцы таких районов сталкиваются с необходимостью разрешения множества задач, связанных с выраженными инфраструктурными проблемами (доступ к социальным сервисам и общественному транспорту, техническое обслуживание домов, обеспечение социального и физического порядка, благоустройство территорий и пр.), что (не)может приводить к случаям кооперации горожан. Целью статьи выступает изучение взаимосвязи социальных характеристик жильцов, проживающих в расположенных на городской периферии анклавных новых жилых комплексах в крупном российском городе, с их готовностью вовлекаться в разрешение общесоседских проблем — в соседский активизм. В частности, в фокусе нашего исследовательского интереса находится взаимосвязь «эффекта соседства» (neighborhood effect), выраженного в конфигурациях форм социальных капиталов жильцов с их соседской «коллективной эффективностью» или «коллективным участием» (collective efficacy) — готовностью совершать коллективное действие на благо соседского сообщества. Эмпирическими материалами исследования выступили данные уличного опроса жильцов на территории анклавно расположенных КОТ «Северная долина» в районе станций метро Парнас в Санкт-Петербурге и КОТ «Семь столиц»: ЖК «Вена» и ЖК «Лондон» в г. Кудрово Ленинградской области, находящемся на границе с Санкт-Петербургом. На основе статистической обработки данных с учетом простых парных статистик и бинарной логистической регрессии нам удалось в целом подтвердить

выдвинутую гипотезу о связи параметров социального капитала жильцов в изучаемых жилищных комплексах с их осведомленностью и участием в деятельности соседского сообщества. Тем не менее авторы признают действие так называемого эндогенного эффекта, который указывает на тот факт, что при наличии статистически значимой связи между изучаемыми параметрами направление такой связи зачастую не определено.

Ключевые слова: жилищный комплекс, активизм, социальный капитал, коллективная эффективность, эффект соседства.

Введение

Появление анклавно расположенных жилищных комплексов в России обусловлено особенностями отечественной строительной и жилищной политики, призванной справиться с дефицитом пространственных возможностей возведения новых зданий в черте городов. Процесс формирования и развития соседских сообществ новых жилых кварталов погружен в контекст диверсификации множества социальных, пространственных, управленческих задач, которые стоят перед органами власти, представителями строительного и инвестиционного бизнеса, а также различными «низовыми» общественными организациями и горожанами на уровне их соседского поселения. Процесс заселения и проживания резидентов в новых жилых кварталах сопряжен с множественными ситуациями неопределенности, которые связаны как с повседневным опытом освоения городского пространства, испытывающего множественные инфраструктурные проблемы, необходимостью выстраивания коопераций с другими жильцами, так и с их вовлечением в домовое управление и обеспечение социального и физического порядка. Традиционные вертикальные формы управления уплощаются и постепенно замещаются интенсивными горизонтальными (в том числе виртуальными — см., например: Григоричев 2013) сетями взаимодействия и сотрудничества, создавая новые условия для локального самоуправления и соседского активизма. В совокупности эти факторы создают новые социальные условия развития соседских сообществ, специфика которых обусловлена территориальными особенностями расположения жилых образований.

В связи с этим мы задаемся вопросами: вовлекаются ли жители высотных анклавно расположенных жилых кварталов в разрешение инфраструктурных проблем? Готовы ли они для этого объединяться для совместных коллективных действий? Какие социальные условия этому способствуют?

Целью статьи выступает изучение взаимосвязи социальных характеристик жильцов расположенных на городской периферии анклавных

новых жилых комплексов в крупном российском городе с их готовностью вовлекаться в разрешение общесоседских проблем — в соседский активизм. В частности, в фокусе нашего исследовательского интереса находится взаимосвязь «эффекта соседства» (neighborhood effect), выраженного в конфигурациях форм социальных капиталов жильцов, с их соседской «коллективной эффективностью» или «коллективным участием» (collective efficacy) — готовностью совершать коллективное действие на благо соседского сообщества.

В рамках статьи будут последовательно рассмотрены специфика периферийного пространственного развития российских городов и место новых анклавных ЖК в его структуре; представлены теоретико-методологические основания исследования, а именно концепции «эффекта совместного проживания» / «эффекта соседства» и «коллективной эффективности» соседских сообществ; описаны ограничения исследования, а также эмпирическая база и использованные методы статистического анализа данных; приведены результаты анализа изученных феноменов и суммированы основные выводы.

Особенности периферийного пространственного развития российских городов

Пространственной особенностью предмета нашего исследования — жилищных комплексов — является их расположение на городской периферии, в частности на границе города или же в прилегающем к городу пригороде, а также их выраженная анклавность — частичная оторванность от существующих городских инфраструктур. В связи с этим в данном разделе мы сосредоточимся на рассмотрении особенностей периферийного пространственного развития российских городов и места в его структуре изучаемых нами новых высотных и высокоплотных жилых образований.

Феномен послевоенного возведения жилых поселений, оборудованных собственной инфраструктурой, широко представлен и изучен в Западной Европе и США в качестве так называемых «закрытых», «огороженных» сообществ («gated community») (Low 2011). Такие жилые комплексы нового типа, как правило, обладают совокупностью характеристик, отличающих их от кварталов и микрорайонов, пространственно вписанных в городскую среду: они, как правило, имеют физические и символические барьеры, препятствующие доступу «чужака»; заселены относительно гомогенными сообществами жильцов по социальным, экономическим и порой демографическим профилям, находятся на границе либо вне черты города, однако в транспортной доступности от рабочих мест и иных, в том числе досуговых, городских инфраструктур (Snyder, Blakely 1997).

В частности, М. Блинные и коллеги указывают на развитие таких сегрегированных ландшафтов в форме комьюнити в удаленном зеленом поясе Москвы и Подмосковья, которые привлекают представителей «нового русского бизнеса и правительственных элит». Подобные жилые комплексы являются российским вариантом «огороженных сообществ», окруженных камерами видеонаблюдения, заборами и постами охраны (Blinnikov et al. 2006: 65), их количество стремительно растет в Москве начиная с 1990-х годов. Феномен также отмечен в Санкт-Петербурге (Петри, Аксенов, Крутиков 2012), но с заметным отставанием в темпах роста по сравнению со столицей (Lentz 2006: 204), а также в других городах-миллионниках и региональных центрах — столицах республик, областей и краев (Бреславский 2016: 80).

Однако мы не можем в полной мере классифицировать изучаемые нами анклавные жилищные комплексы, расположенные за пределами центров городов, в качестве «огороженных сообществ» по нескольким причинам: (1) ЖК обладают свойствами анклавности — невключенности и удаленности от развитых городских инфраструктур (транспортных, социального обеспечения, торговых и пр.), в таком случае специфическая «огороженность» выражается скорее в окаймленности этих жилых образований пустырями и неосвоенными территориями и не является их преимуществом; (2) социально-экономическая, социально-демографическая и прочая гомогенность жильцов таких высших российских ЖК и в целом их принадлежность к среднему и выше классу являются недоказанными и представляют собой отдельный предмет для изучения (впрочем, анализ стоимости квартир в таких ЖК может косвенно свидетельствовать о том, что покупательная способность у желающих их приобрести должна быть на уровне среднего класса).

Появление и развитие жилых построек на городской периферии традиционно связывается с широко изученным процессом субурбанизации — формированием пригородных зон в результате оттока туда части городского населения (Бреславский 2016).

Субурбанизация ассоциируется с двумя типами пространственных образований: «североамериканским» со сравнительно низкоэтажной застройкой и разреженной плотностью заселения из числа представителей среднего и выше класса (такие жильцы предпочитают экологичность своего проживания и удаленность от столкновения с иными социальными группами) и «европейским», в котором субурбия может включать семьи рабочего класса и не всегда означает дом для отдельной семьи (Harding, Bloakland 2014: 140).

Советское пространственное развитие городов отмечено переходом от характерного для сталинского периода правления компактного города к хрущевской, брежневской и далее массовой застройке на окраинах городов (что мы можем квалифицировать как субурбанизацию. — *Е.Т., К.Т.*). Этот процесс сопровождался возведением так называемых микрорайонов — «строительством жилых домов одновременно с социальной инфраструктурой (школами, магазинами, детскими садами и спортивными площадками», которым, согласно советским градостроителям, должен был быть присущ специфический коллективизм жильцов (Урбан 2019: 200–202). Типовые жилые многоквартирные строения времени правления Хрущева отличались сравнительно низкой высотностью, а их внутренняя планировка — скромностью, тогда как последующие периоды советской градостроительной истории отмечены дальнейшим улучшением жилищных условий граждан и повышением высотности зданий стандартизованных серий. Между тем формирование специфической коллективности резидентов таких строений признается едва ли достигнутым. Так, «по результатам опроса 1982 года, 60 % жителей московских многоквартирных домов вообще не общались со своими соседями» (Янкова, Радзинская 1982: 204).

Обращаясь к российскому опыту, социальные географы указывают на своеобразные «волны», например столичной жилой субурбанизации, которая, погруженная в специфические условия наполненности жилищного рынка, пространственного развития региона и покупательной способности населения, оформилась в последовательные стадии от возведения особняков для городских элит в 1990-е до малосемейных таунхаусов и городов-спутников, застроенных многоэтажным жильем по типу мегагородов в середине 2000-х, и в конечном счете до высотных жилых комплексов на городских окраинах, испытывающих множественные инфраструктурные проблемы: транспортная доступность, наличие детских садов, школ, учреждений здравоохранения и пр. (Brade et al. 2014). По мнению В. Ремежковой и коллег, непроблематичная рецепция понятия субурбанизации в России затруднена необходимостью учета сложной финансовой ситуации большинства россиян после распада Советского союза, которые не в состоянии позволить себе приобретение или постройку дома для постоянного проживания за пределами города (Remezko et al. 2016: 30). Они отмечают, что Москва и в меньшей степени Санкт-Петербург в настоящее время приближаются к пределу численности населения, которое они могут содержать, поэтому эти города достигли состояния, когда городская инфраструктура не способна поддерживать растущее количество горожан (Remezko et al. 2016: 31). В действитель-

ности же классический вид субурбанизации (имеется в виду «американский» тип. — *Е.Т., К.Т.*), характеризующийся повышением качества жизни, что позволяет людям жить в комфортабельных домах в сельской местности и работать в центре города, существует в России, но в очень ограниченных масштабах, составляющих 1 % от всей российской территории (Петрова 2013: 89). В целом, несмотря на высокий уровень предпочтений горожан в пользу проживания в отдельном доме в пригороде (по Санкт-Петербургу — 60 % жителей города), очень немногие могут себе позволить такого рода жилищную мобильность (Аксенов 2014: 31).

Формы так называемой «квазиурбанизации» (Голубчиков, Махрова, Фелпс 2010) в виде загородных домов в формате «дач» в своем преимуществе не дают возможности для постоянного круглогодичного проживания горожан (Браде и др. 2015). Еще одним типом периферийного пространственного развития — субурбанизации — являются, по мнению Голубчикова и коллег так называемые «Edge Cities» («окраинные» города) — пространственные образования в форме небольших высоко развитых городов с рабочими местами для жильцов, возможностями для проведения досуга и потребления, которые расположены на границе с крупным городом-ядром (например, г. Химки, Красногорск, Одинцово) или на границе агломераций: Обнинск, Дубна и пр. (Голубчиков, Махрова, Фелпс 2010).

Наше внимание сосредоточено не на широко изученных в российском контексте примерах субурбанизированного жилья — таунхаусах, элитных особняках или различных вариациях «огороженных сообществ», а также не на концевых городах с собственной инфраструктурой, благоприятным инвестиционным климатом и рынком труда, а на новых социально-пространственных образованиях — высотных и высокоплотных КОТ (комплексное освоение территорий) в субурбанизированных ареалах Санкт-Петербурга. Такие КОТ — жилые окраинные спальные кварталы, как их называют, «новые пригороды» (Абрамов 2017), или «новые жилые массивы» (Бредникова, Запорожец 2016), зачастую оторваны от разветвленной транспортной инфраструктуры, как правило, практически не предоставляют жильцам собственных рабочих мест и испытывают дефицит социального обслуживания населения (здравоохранение, детские сады, школы, благоустройство, а порой и обеспечение безопасности). Таким образом, специфическими чертами подобных жилых массивов выступает их высотность, анклавность и окраинность. Специфические для изучаемых нами КОТ характеристики в виде их анклавности, окраинности, оторванности и недоразвитости инфраструктур могут выступить сплывающими жильцов социальными условиями, тогда как их высотность и высокоплотное

заселение, наоборот, препятствовать возникновению социальных связей и совместного коллективного действия. Популярность среди горожан новых многоэтажных комплексов на петербургском рынке «объясняется тем, что спрос на жилье в Петербурге по-прежнему не насыщен и намного превышает предложение» (Аксенов 2014: 31). Превышение спроса на рынке жилья по отношению к предложению в столичных городах-миллионниках в целом можно косвенно объяснить и тем обстоятельством, что наибольший приток внутренних мигрантов в России испытывают Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, где как следствие «усиливается напряженная ситуация на объектах инфраструктуры» (Комков, Киричек 2017: 143).

Возведение на окраинах постсоветских городов высотных жилищных комплексов — сравнительно недавнее явление, в связи с чем данный феномен пока достаточно мало изучен отечественными учеными. О. Бредникова и О. Запорожец исследовали особенности «атмосферности» мест в одном жилищном комплексе на окраине Санкт-Петербурга (Бредникова, Запорожец 2016). Наиболее системно изучение новых анклавных жилых кварталов представлено в научных текстах В. Звоновского и коллег, которые сосредоточились на рассмотрении формирования городских сообществ в новых пригородах крупных российских городов с привлечением статистических данных, собранных на репрезентативной выборке (Звоновский, Меркулова 2015; Звоновский и др. 2015). Согласно их мнению, постоянная коммуникация соседей друг с другом «интенсифицирует их повседневное взаимодействие и взаимовыручку» (Звоновский и др. 2015: 76). Тем не менее в фокусе их исследования находится в основном малоэтажная застройка периферийных районов российских региональных центров, тогда как наш научный интерес сосредоточен на особенностях развития соседских взаимоотношений в крупных высокоэтажных окраинных КОТ.

«Эффект соседства» и «коллективная эффективность» в новых жилых кварталах

Цель исследования — изучение социального контекста существования соседского активизма в новых анклавно расположенных жилых кварталах в Санкт-Петербурге. Магистральными сюжетами, которые затрагивают факторы готовности членов соседского сообщества вовлекаться в создание и поддержание коллективного местного блага (особенно обеспечения локального социального контроля), в современных городских исследованиях (urban studies) выступают дискуссии вокруг так называемых «эффекта совместного проживания» / «эффекта соседства» («neighborhood

effect») и коллективной эффективности или коллективного участия («collective efficacy») горожан.

Так, Т. Купенс и коллеги предлагают при изучении соседских сообществ различать *эффект сегрегации* и *эффект соседства*. «Эффект сегрегации» относится к ситуации, когда сходные по социально-демографическим, экономическим, культурным и иным параметрам горожане в большей мере склоняются к пространственно близкому проживанию и соответственно демонстрируют большую готовность к соседскому активизму (Coppens et al. 2018). Дж. Бордман и С. Роберт также отмечают, что случаи соседства жильцов с более высоким социально-экономическим статусом с большей вероятностью ведут к осуществлению ими коллективного действия (Boardman, Robert 2000). Цитируя Р. Патнэма, Х.-Й. Ким симметрично указывает на тот факт, что члены бедных соседств имеют барьеры к таким возможностям, как доступность информации о работе, включенность в сети, знакомство со спектром ролевых моделей, образовательная поддержка и прочее, что ведет к экономической депривации и аккумулирует эффект изоляции, а также не способствует организации коллективного действия на благо соседского сообщества (Kim 2018: 1012). Однако важно помнить, что, помимо экономических, социально-демографических и прочих характеристик резидентов соседских поселений, важную роль в возникновении и развитии локального активизма играет характер социальных связей жильцов. Тогда как «эффект соседства», согласно мнению Т. Купенса, заключается во взаимосвязи социального капитала (социальные сети, нормы реципрокности и доверия) проживающих в пределах пространственной близости соседей и их готовности к совместному коллективному действию по достижению общественного блага, например обеспечению неформального социального контроля на территории поселения (Coppens et al. 2018: 7).

Социальный криминолог Р. Сэмпсон, развивая дискуссию об особенностях соседских взаимоотношений, выделяет следующие составные части соседства: социальные сети и интеракцию (которые мы можем отнести непосредственно к «эффекту соседства»), нормы и «коллективную эффективность» сообщества, организационную инфраструктуру, паттерны активности/рутины (Sampson 2011).

Социальные сети/интеракция основаны на понятии социального капитала как ресурса, реализующегося посредством межличностальных социальных отношений жильцов. В данном случае им учитывается плотность социальных связей между соседями, их взаимобмены, частота социальных интеракций и паттерны «соседствования». Наличие социального капитала стимулирует к информационному обмену и может при-

вести к желанию жильцов самостоятельно обеспечивать социальный контроль, который будет выражаться, например, в готовности следить за ребенком соседа во дворе или осуществлять контроль за безопасностью в общих публичных пространствах соседского поселения (Sampson 2011: 232).

В своих исследованиях социального контроля Р. Сэмпсон определяет *коллективную эффективность* как социальную сплоченность соседей и их предрасположенность вкладываться в социальную жизнь их локального поселения для достижения общих целей, которая может зависеть, помимо социальных связей, от генерализованного доверия и общеразделяемых ожиданий членов сообщества по поводу того, что соседи смогут вмешаться / оказать помощь в случае такой необходимости (Sampson et al. 1997; Sampson 2001). А. Портес и Дж. Сенсенбреннер описывают сходный феномен, который они обозначают в качестве «ожидания осуществления действия в коллективе» (Portes, Sensenbrenner 1993). Сэмпсон проводит различие между потенциальными ресурсами персональных связей (социальный капитал), с одной стороны, и ожиданием осуществления действий в коллективе (коллективная эффективность) — с другой, и отмечает, что социальные связи — обязательное условие для возникновения коллективной эффективности, но они недостаточны для реального осуществления практик социального контроля (Sampson 2011: 233).

Ряд социальных ученых вслед за дискуссией о взаимосвязи коллективной эффективности и социального капитала различают измерения социальной капитала соседей, в частности указывают на категории Р. Патнэма «внутренний связывающий социальный капитал» («bonding social capital») в форме сильных связей внутри сообщества, зачастую не ведущих к соседскому активизму, и «внешний связывающий социальный капитал» («bridging social capital»), который охватывает взаимодействия и связи членов одной группы с членами других групп с целью получения ими доступа к поддержке и информации. Такой вид социального капитала в большей мере способствует коллективному действию по созданию и поддержанию общего блага. «Внутренний связывающий социальный капитал» является необходимым условием формирования «внешнего связывающего социального капитала» в соседском сообществе (цит. по: Larsen et al. 2004: 66–67). При изучении влияния типов социального капитала на коллективную эффективность необходимо принимать во внимание социально-экономические параметры резидентов соседского сообщества. Так, Р. Сэмпсон утверждает, что жители депривированных районов связаны друг с другом, как правило, сильными связями, но это обстоятельство не ведет в обязательной мере к производству коллективных

ресурсов соседского сообщества. По мнению Р. Сэмпсона, подобные сильные связи производят основания для реципрокной взаимопомощи и поддерживают механизмы выживания группы в большей мере, чем коллективные действия от лица соседства, направленные на достижение общедоступного блага. В то же время возникновение коллективной эффективности в соседствах с высоким экономическим статусом жильцов более вероятно (Sampson 2012). В нашей работе «внешний связующий социальный капитал» будет пониматься в качестве ключевого параметра «эффекта соседства».

Организационная инфраструктура понимается Р. Сэмпсоном как качество, количество и разнообразие институций, особенно неправительственных и гражданских локальных организаций, расположенных в пределах соседского поселения. Развитая организационная инфраструктура сообщества связывает резидентов друг с другом и способствует их гражданскому участию в делах локального сообщества (Sampson 2011: 233). В действительности, исследователи отмечают положительный эффект присутствия и активной работы НКО на коллективную мобилизацию в соседстве (Bell et al. 2012).

Параметры *паттерны активности/рутины* отсылают к экологическому (в терминологии чикагской школы) распределению повседневных рутинизированных действий. Согласно Р. Сэмпсону, местоположение школ и детских садов, зоны смешанности жилищных и коммерческих строений (бары, магазины, торговые центры и пр.), узлы общественного транспорта и основные транзитные потоки могут быть значимы для понимания того, где и как взаимодействуют жильцы друг с другом в процессе нерезидентной активности. Эти параметры способствуют возникновению (как правило, позитивных) социальных интеракций и релевантны в объяснении социального поведения соседского сообщества (Sampson 2011: 233–234).

Наконец, среди иных факторов, положительно влияющих на формирование социального капитала и впоследствии на коллективную эффективность соседского сообщества, выделяют также продолжительность проживания, собственность на жилье, неминоритарный статус расы и этнической группы, жилищная стабильность соседства (Larsen et al. 2004). В связи со спецификой сбора данных, описанные иные факторы, а также параметры «паттерны активности/рутины» и организационная инфраструктура остались за пределами внимания статьи.

Опираясь на существующую научную дискуссию, мы предпримем попытку изучения взаимосвязи «эффекта соседства» и «коллективной эффективности» на основе количественного изучения характеристик и прак-

тик резидентов двух анклавных КОТ (включающих несколько ЖК) в Санкт-Петербурге.

Методы и эмпирические данные

Методом сбора эмпирических данных являлось уличное анкетирование совершеннолетних жильцов, проведенное с 6 по 23 марта 2018 г. на территории анклавно расположенных КОТ «Северная долина» в районе станции метро Парнас в Санкт-Петербурге, п. Парголово и КОТ «Семь столиц» (ЖК «Вена» и ЖК «Лондон», без учета недостроенных зданий) в г. Кудрово Ленинградской области, находящемся на границе с Санкт-Петербургом. Для равномерного покрытия опросом территории КОТ были разделены на сегменты — «полигоны»* — с учетом плотности застройки и площади охватываемой территории (рис. 1). В каждом полигоне были опрошены по 20 респондентов, проживающих в границах обозначенных сегментов. ЖК «Вена» был поделен на три полигона, ЖК «Лондон» — на четыре полигона, КОТ «Северная долина» — на 11 полигонов со сквозной нумерацией. Ввиду отсутствия данных о генеральной совокупности жильцов изучаемых КОТ респонденты отбирались с шагом в пять человек, в случае, если на пятый счет интервьюер обращался к нерезиденту КОТ, нерезиденту домов в избранном полигоне или несовершеннолетнему, отсчет начинался заново. Совокупная кластерная стихийная выборка составила 360 наблюдений: 60 человек в ЖК «Вена», 80 человек в ЖК «Лондон» и 120 человек в КОТ «Северная долина». Опросный лист включал закрытые (преимущественно) и открытые вопросы (в общей сложности 41 пункт). Эмпирические данные принадлежат лаборатории социологии науки и образования НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Работа по подготовке методического инструментария была осуществлена авторами статьи.

Комплекс «Семь столиц» (в 2,5 км от конечной станции метрополитена «Улица Дыбенко») включает введенный в эксплуатацию в 2012 г. ЖК «Вена», который состоит из 18 многосекционных монолитно-кирпичных новостроек, этажность варьируется от 8 до 25 этажей (https://www.novostroy-spb.ru/baza/kvartal_vena_proekt_sem_stolic, дата обращения: 21.11.2019) и достроенный в 2018 г. ЖК «Лондон», охватывающий 26 монолитно-кирпичных корпусов, высота от 10 до 25 этажей (https://www.novostroy-spb.ru/baza/kvartal_london_proekt_sem, дата обращения: 21.11.2019). КОТ «Северная долина» представляет собой 20 монолитно-

* Авторы выражают благодарность Татьяне Николаевне Адаменко — преподавателю департамента государственного администрирования НИУ «ВШЭ»-СПб за подготовку карт, содержащих разметку изучаемых территорий КОТ.

кирпичных кварталов высотной застройки (15–25 этажей), первая линия домов расположена вблизи конечной станции метро «Парнас» https://www.novostroy-spb.ru/baza/zhk_severnaya_dolina, дата обращения: 21.11.2019). Все жилые квартиры в КОТ «Семь столиц» и «Северная долина» реализуются на открытом рынке, малая часть помещений в первой очереди «Северной долины» находится в государственной собственности, обслуживание осуществляют исключительно управляющие компании. Стоимость квадратного метра квартиры в КОТ «Семь столиц» составляет около 129 тыс. рублей («<https://spb.cian.ru/kupit-kvartiru-zhiloy-kompleks-7-stolic-kvartal-london-6926/>», дата обращения 26.05.2020), в КОТ «Северная долина» — 92–108 тыс. руб. за квадратный метр (https://www.novostroy-spb.ru/baza/zhk_severnaya_dolina, дата обращения: 26.05.2020), в то время как средний уровень цен предложения на первичном рынке квартир Санкт-Петербурга на 28.03.2020 — 125 891 руб./м² (<https://www.emls.ru/stat/index/>, дата обращения: 26.05.2020).

Методами обработки статистических данных послужили простые парные статистики (хи-квадрат) и бинарная логистическая регрессия. Хи-квадрат проводился с бутстрэппингом (количество выборок = 1000,

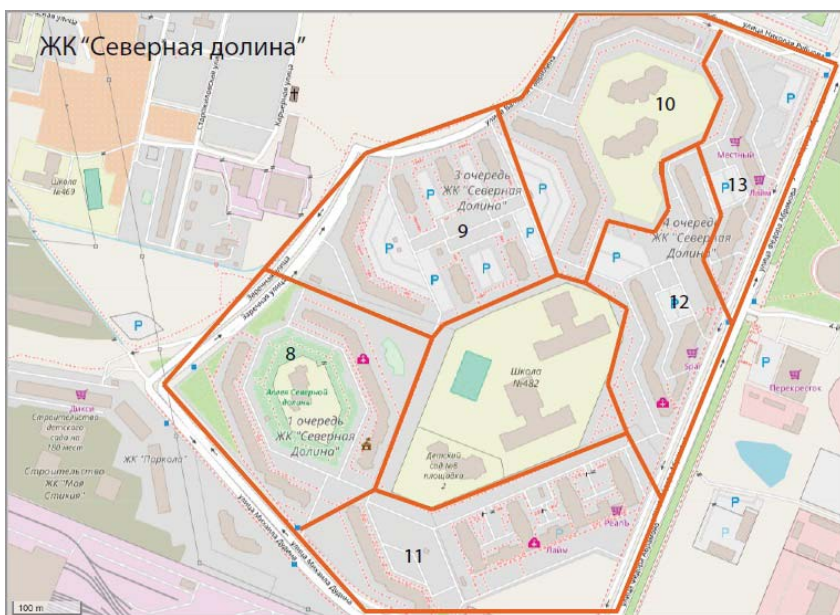

Рис. 1. Пример разделения территорий КОТ на полигоны («Северная долина»)

доверительный интервал = 95 %, тип доверительного интервала — процентиль). Таким образом мы обеспечили большую надежность оценок на сравнительно небольшой выборке.

Наша основная гипотеза заключается в том, что показатели внешнего связующего социального капитала («эффект соседства») положительно связаны с измерениями соседского активизма («коллективная эффективность»). То есть чем выше социальный капитал в КОТ, тем с большей вероятностью там можно наблюдать проявления активизма.

При выборе характеристик для измерения связующего социального капитала мы опирались на подход Ларсен (Larsen et al. 2004) с корректировкой на доступные нам показатели. Ларсен с коллегами использовали следующий набор переменных для определения внешнего связующего социального капитала: частота общения с соседями, приглашение соседей в гости, соседская помощь, общее отношение к соседям. В нашем случае плотность знакомства с соседями и соседское взаимодействие измеряются такими характеристиками: знакомство (способность узнать в лицо) и общение с соседями по этажу, лестничной клетке, дому, совместное времяпрепровождение соседей, клубы по интересам, участие в группах в социальных сетях, объединения жильцов.

Нами принимались в расчет сопутствующие факторы, которые могут быть связаны с возникновением «эффекта соседства»: давность проживания, заселенность дома в ЖК, социально-демографический состав жильцов, соотношение собственников и арендаторов в доме, образование, профессиональный статус, семейное положение.

Параметр «соседский активизм» учитывал следующие характеристики: самоорганизация для решения проблем, наличие активистов, организация соседями мероприятий, случаи кооперативной помощи.

В связи с особенностями выборки респондентам, помимо вопросов, связанных с их непосредственным опытом участия в тех или иных активностях, были заданы вопросы об осведомленности о принципиальном наличии таких инициатив в соседском сообществе.

В исследовании по причине специфики эмпирического исследования не учтены такие параметры, как раса, принадлежность к этнической группе, уровень дохода жильцов, их интеракции в публичных пространствах, а также эффекты наличия на территории соседств действующих НКО.

Результаты исследования социальных параметров коллективной эффективности жильцов анклавных ЖК

Согласно полученным данным, время проживания жильцов распределено нормально: большинство опрошенных респондентов проживают

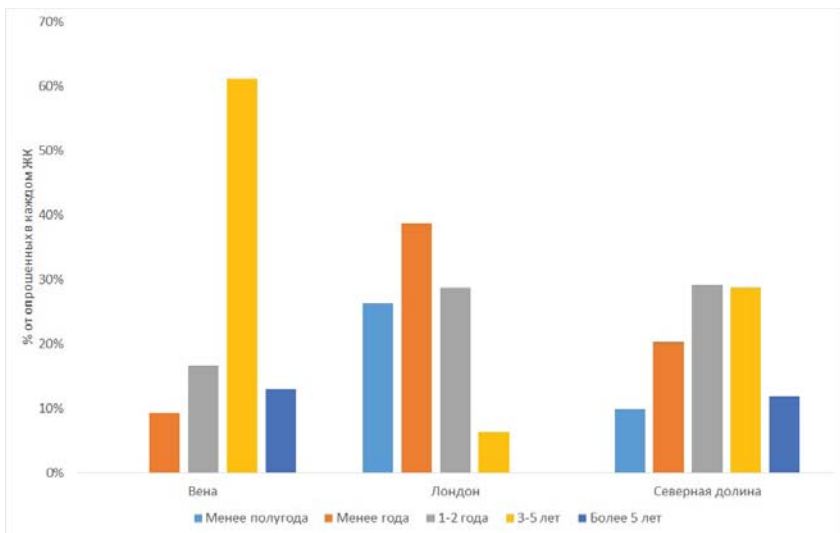

Рис. 2. Время проживания респондентов в изучаемых ЖК

в своих кварталах от года до пяти лет. В выборке также представлены как недавно въехавшие, так и те жильцы, кто проживает в выбранных ЖК от пяти лет и более. Значимая разница между КОТ «Семь столиц» и КОТ «Северная долина» по параметру времени проживания не была выявлена (хи-квадрат = 3,902, $df=4$, $Sig.=0,419$), однако внутри «Семи столиц» обнаруживаются предсказуемые различия: в ЖК «Вена» проживает значительно меньше горожан, которые заехали совсем недавно (рис. 2), что можно объяснить тем, что он является одним из первых построенных в Кудрово кварталов и, следовательно, заселен сравнительно давно* (хи-квадрат = 60,606, $df=8$, $Sig.<0,000$). В ЖК «Лондон» подобные жильцы встречаются реже: этот ЖК все еще достраивается, и очереди сдаются постепенно.

Жильцы во всех изученных КОТ в 47 % случаев считают, что в их домах большинство резидентов являются собственниками квартир. 30 % полагают, что, напротив, большинство в их доме — арендаторы. По этому параметру значимых статистических различий между КОТ не обнаружено (хи-квадрат = 4,293, $df=3$, $Sig.=0,232$). Среди всех опрошенных, в целом 21 % арендуют жилье, остальные 79 % являются собственниками. При этом собственников чуть больше в КОТ «Семь столиц», чем в КОТ «Северная долина»: 83 % против 75 % (хи-квадрат = 3,876, $df=1$, $Sig.=0,049$).

* Здесь и далее описываются только значимые результаты хи-квадрат и т-тест на уровне $\alpha=5\%$ ($p<0.05$), если не указано иначе.

Социально-демографический состав жильцов. Среди опрошенных 37 % были классифицированы интервьюерами как молодые люди, 48 % — как мужчины/женщины средних лет. Только 12 % принадлежали к группе респондентов пенсионного возраста. По возрастному составу различий между ЖК не обнаружено (хи-квадрат = 2,786, $df=3$, $Sig.=0,426$). В «Северной долине» было опрошено чуть больше мужчин, чем в «Семь столиц» (41 % против 33 %; хи-квадрат = 1,885, $df=1$, $Sig.=0,170$).

Большинство опрошенных имеют (незаконченное) высшее образование (79 %). Мы не обнаружили различий между ЖК по уровню образования жильцов (рис. 3; хи-квадрат = 1,782, $df=2$, $Sig.=0,410$). Большинство жильцов на момент опроса имеют работу (64 %), 13 % учатся, 9 % находятся в декрете, остальные по спектру причин не учатся и не работают. Выявлено некоторое различие между КОТ: в «Семь столиц» было опрошено меньше студентов, чем в «Северной долине» (хи-квадрат = 11,390, $df=4$, $Sig.=0,023$). К сожалению, масштабы опроса не позволяют утверждать, что среди жильцов в «Северной долине» в целом значимо больше учащихся. В КОТ «Семь столиц» в выборку попало чуть больше матерей, находящихся в настоящий момент в декретном отпуске (рис. 4).

Большинство опрошенных (64 %) состояли в браке, 30 % — женаты/не замужем. Дети до 16 лет есть у половины опрошенных. В КОТ «Семь столиц» семей с детьми было опрошено значимо больше, чем в КОТ «Северная долина», и большинство из них проживает в ЖК «Вена» (хи-квадрат = 6,787, $df=1$, $Sig.=0,009$).

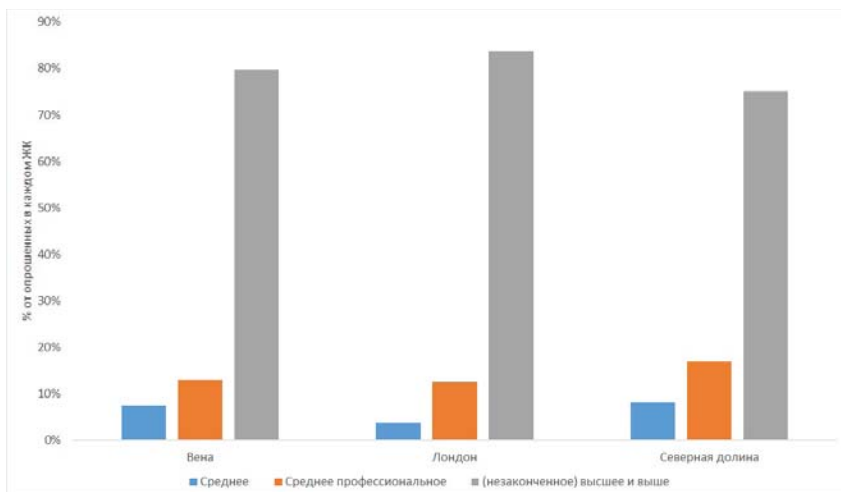

Рис. 3. Образование жильцов

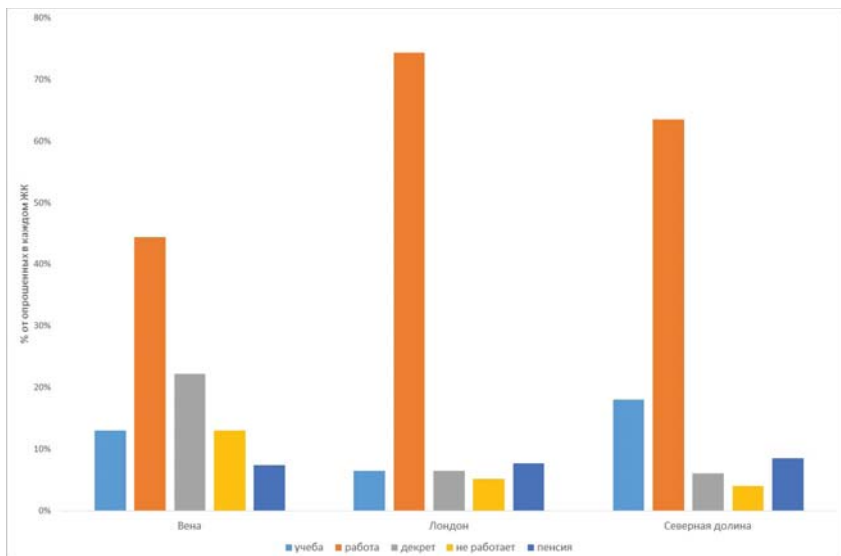

Рис. 4. Занятость жильцов

Социальный капитал. Значимых различий по уровню соседской анонимности (т.е. знакомству с соседями) между «Семь столиц» и «Северной долиной» не обнаружено (хи-квадрат = 6,063, $df=4$, $Sig.=0,195$). При этом все же в «Семь столиц» больше тех, кто ответил, что не знает никого из соседей по подъезду (14 % против 6 %), и абсолютное большинство давших такой ответ резидентов проживают в ЖК «Лондон». Это можно предположительно объяснить особенностями застройки: ЖК «Лондон» представляет собой высотное комплексное строительство, состоящее из зданий в 20 этажей с круговой планировкой лестничных площадок, в каждом подъезде расположены сотни квартир. В ЖК «Вена» представлены дома средней этажности (девятиэтажки) со стандартными площадками, на каждой из которых находится в среднем 4–5 квартир, в каждом подъезде — около 100 квартир.

Большинство жильцов во всех ЖК отметили, что знают 1–5 человек из своего подъезда. 6–20 человек знают в среднем 33–34 % жильцов всех ЖК, и лишь около 6 % опрошенных во всех КОТ отметили, что знают 20 и более человек (рис. 5).

Схожий тренд прослеживается и в знакомстве с соседями по дому: в целом не обнаружены различия между КОТ «Семь столиц» и «Северная долина» (хи-квадрат = 6,523, $df=4$, $Sig.=0,163$), тем не менее в ЖК «Лондон»

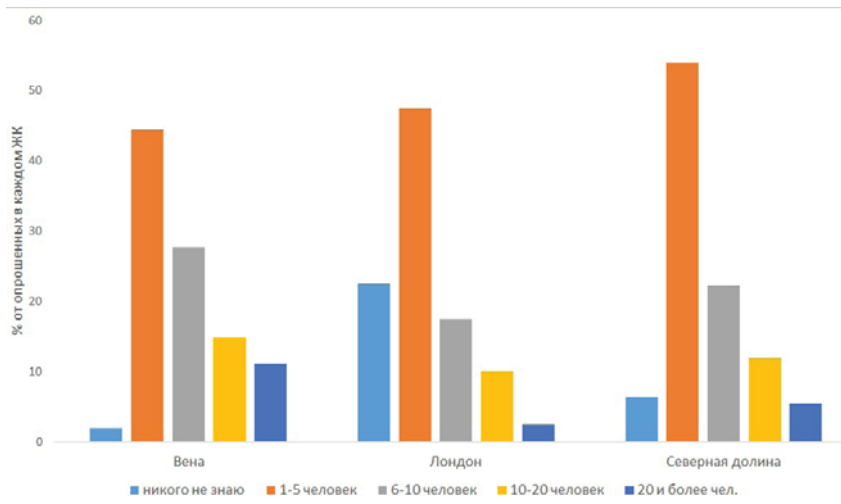

Рис. 5. Знакомство с соседями по подъезду

проживает значительно больше респондентов, не знакомых ни с кем в своем доме (по сравнению с остальными ЖК; хи-квадрат = 24,326, $df=8$, $Sig.=0,002$).

С соседями по этажу общаются чуть больше половины жильцов (59 %). При этом в ЖК «Лондон» представлено больше резидентов, которые не общаются с соседями, по сравнению с другими ЖК (50 % против 30 % в ЖК «Вена» и 42 % в КОТ «Северная долина»). Статистическая разница между КОТ «Семь столиц» и «Северная долина» по данному параметру не выявлена (хи-квадрат = 0,002, $df=1$, $Sig.=0,963$).

С соседями по лестнице общается уже меньшее количество жильцов, примерно 46 %, и еще меньше поддерживают связи с соседями по дому (34 %). Здесь мы не обнаружили различий между ЖК (хи-квадрат = 0,005, $df=1$, $Sig.=0,943$).

В КОТ «Северная долина» жильцы чуть чаще проводят время с соседями, по сравнению с КОТ «Семь столиц», однако это различие незначимо (31 % против 19 %; хи-квадрат = 3,316, $df=1$, $Sig.=0,069$). Только четверть резидентов во всех КОТ ответили, что среди соседей создаются клубы по интересам, в данном случае разница между КОТ не обнаружена (хи-квадрат = 0,047, $df=1$, $Sig.=0,829$). Немногим более половины жильцов (57 %) во всех КОТ состоят в группах в социальных сетях своего дома (хи-квадрат = 3,017, $df=1$, $Sig.=0,082$).

Осведомленность о собраниях в доме. Респондентам был предложен вопрос по поводу того, проводят ли в их доме собрания жильцов. Только 58 % ответили, что в их доме подобные собрания проводятся, из них 60 % в них не принимает участия, лишь 14 % часто участвует в собраниях. Между КОТ значимых различий по данному параметру не было выявлено (хи-квадрат = 0,364, $df=1$, $Sig.=0,547$). К сожалению, представляется затруднительным провести разделение двух эффектов: с одной стороны, отрицательно могли ответить те, в чьих домах собрания действительно не проходят, с другой — те, кто не осведомлен о существовании подобных собраний (даже при их наличии).

Осведомленность о собраниях жильцов не связана с давностью проживания в доме (хи-квадрат = 2,020, $df=4$, $Sig.=0,732$). Было обнаружено, что собственники чаще оказываются в курсе собраний жильцов, чем арендаторы (хи-квадрат = 7,628, $df=1$, $Sig.=0,006$). Связь осведомленности о проведении собраний с возрастом незначима (хи-квадрат = 1,350, $df=3$, $Sig.=0,717$). Те респонденты, которые не знакомы ни с кем в своем подъезде или доме, также чаще считают, что собрания жильцов не проводятся (хи-квадрат = 15,583, $df=4$, $Sig.=0,004$; хи-квадрат=16,209, $df=4$, $Sig.=0,003$).

С вовлеченностью в соседское сообщество связи не обнаружено: осведомленность о собраниях не связана ни с общением с соседями (хи-квадрат = 0,121, $df=1$, $Sig.=0,728$), ни с проведением с ними свободного времени (хи-квадрат = 0,270, $df=1$, $Sig.=0,630$).

Участие жильца в собраниях жильцов не связано ни со временем проживания в доме (хи-квадрат = 3,880, $df=8$, $Sig.=0,868$), ни с принадлежностью к категории собственников/арендаторов (хи-квадрат = 2,491, $df=2$, $Sig.=0,288$), ни с возрастом (хи-квадрат = 4,905, $df=6$, $Sig.=0,556$). Мужчины с меньшей вероятностью участвуют в собраниях (хи-квадрат = 6,862, $df=2$, $Sig.=0,032$). Участие в собраниях статистически связано с общением с соседями: те, кто чаще посещают собрания, чаще отвечают, что общаются с соседями по площадке (хи-квадрат = 7,616, $df=2$, $Sig.=0,022$) и по дому (хи-квадрат = 11,316, $df=2$, $Sig.=0,003$), чаще проводят с соседями время (хи-квадрат = 8,205, $df=2$, $Sig.=0,017$) и имеют больше шансов состоять в социальных сетях своего дома (хи-квадрат = 7,852, $df=2$, $Sig.=0,020$). Они также чаще заявляют о своем участии в мероприятиях ТСЖ/УК (хи-квадрат = 11,429, $df=2$, $Sig.=0,003$). Таким образом, выделяется группа жильцов, активно вовлеченная в разные аспекты жизни своего дома и участвующая в мероприятиях разных типов.

Самоорганизация. Половина из опрошенных респондентов указали, что жильцам иногда приходится самоорганизовываться для решения тех

или иных проблем. При этом в 20 % случаев проблема в итоге не была разрешена, а в 43 % случаев, напротив, была решена полностью. 80 % опрошенных указали, что в их доме представлены жильцы-активисты. При этом респонденты в КОТ «Северная долина» об активистах упоминают чаще, чем жильцы в КОТ «Семь столиц» (хи-квадрат = 4,803, $df=1$, $Sig.=0,028$). О случаях кооперативной помощи местных жителей кому-то из жильцов знают немногие (14 %), таковых больше в КОТ «Северная долина», чем в КОТ «Семь столиц» (20 % против 5 %; хи-квадрат = 8,318, $df=1$, $Sig.=0,004$). О каких-либо объединениях, помогающих жильцам, осведомлены лишь 10 % респондентов во всех ЖК.

Знание о случаях самоорганизации не показало статистически значимой связи с давностью проживания в доме (хи-квадрат = 0,885, $df=4$, $Sig.=0,927$), однако собственники чаще оказываются осведомлены о таких случаях, чем арендаторы (хи-квадрат = 12,704, $df=1$, $Sig.<0,000$), а взрослые люди — чаще, чем молодежь (хи-квадрат = 9,253, $df=3$, $Sig.=0,026$).

Осведомленность жильцов о случаях самоорганизации не связана с тем, как много респонденты знают соседей по дому (хи-квадрат = 8,767, $df=4$, $Sig.=0,067$) или по подъезду (хи-квадрат = 6,071, $df=4$, $Sig.=0,194$). Общение с соседями более четко связано с самоорганизацией жильцов: о ней с большей вероятностью осведомлены респонденты, которые общаются с соседями по этажу (хи-квадрат = 9,912, $df=1$, $Sig.=0,002$), по лестнице (хи-квадрат = 14,323, $df=1$, $Sig.<0,000$), по дому (хи-квадрат = 8,141, $df=1$, $Sig.=0,004$), проводят с ними время (хи-квадрат = 6,702, $df=1$, $Sig.=0,010$), знают о наличии клубов по интересам (хи-квадрат = 6,970, $df=1$, $Sig.=0,008$). О случаях самоорганизации скорее осведомлены те жильцы, кто также знает и о различных мероприятиях УК/ТСЖ (хи-квадрат = 4,834, $df=1$, $Sig.=0,028$).

Среди поводов самоорганизации жильцов лидирующие позиции занимает решение технических проблем дома (поломка мусоропровода, починка домофонов и пр.), а также необходимость в ремонтных работах дома и недовольство деятельностью управляющей компании (табл. 1.).

Успешность решения проблем, по поводу которых самоорганизовывались жильцы, ожидаемо статистически не связана с личными характеристиками респондентов — полом (хи-квадрат = 0,205, $df=2$, $Sig.=0,903$), возрастом (хи-квадрат = 4,650, $df=6$, $Sig.=0,589$), категорией «арендатор/собственник» (хи-квадрат = 0,361, $df=2$, $Sig.=0,835$), а также временем проживания (хи-квадрат = 11,463, $df=8$, $Sig.=0,177$). Единственным обнаруженным предиктором решения проблем в домах изученных КОТ являлось проведение в них силами УК/ТСЖ мероприятий для жильцов (хи-квадрат = 6,981, $df=2$, $Sig.=0,030$).

Таблица 1

Поводы самоорганизации жильцов

№	Повод	Кол-во ответов
1	Технические проблемы	51
2	Ремонт дома	24
3	Недовольство работой УК	21
4	Инфраструктура	16
5	Парковка	12
6	Межличностный конфликт с соседями	11
7	Другое	9
8	Выгул собак	8
9	Беспорядок	7

Активисты. О наличии активистов в большей мере не осведомлены пожилые люди (хи-квадрат = 9,734, $df=3$, $Sig.=0,021$). Связи этого показателя с полом (хи-квадрат = 0,148, $df=1$, $Sig.=0,700$), статусом проживающих (хи-квадрат = 2,916, $df=1$, $Sig.=0,088$) и временем проживания (хи-квадрат = 4,128, $df=4$, $Sig.=0,389$) нами не обнаружено. Жильцы, не знакомые со своими соседями по подъезду (хи-квадрат = 24,360, $df=4$, $Sig.<0,000$) / по дому (хи-квадрат = 13,905, $df=4$, $Sig.=0,008$), скорее не осведомлены и об активистах, так же как и те жильцы, которые не коммуницируют с соседями по лестничной клетке (хи-квадрат = 3,743, $df=1$, $Sig.=0,053$), менее осведомлены о существовании в их доме активистов. Осведомленные о работе клубов по интересам с большей вероятностью знакомы с активистами (хи-квадрат = 9,497, $df=1$, $Sig.=0,002$). Жильцы, не состоящие в социальных сетях своего дома, имеют статистически меньше шансов быть в курсе о действиях активистов (хи-квадрат = 5,045, $df=1$, $Sig.=0,025$).

Кооперативная помощь. Осведомленность о случаях кооперативной помощи жильцам статистически не связана с личными характеристиками респондентов, но связана с уровнем включенности в соседское сообщество: те жильцы, которые проводят с соседями свободное время (хи-квадрат = 5,871, $df=1$, $Sig.=0,015$), и те, кто осведомлен о клубах по интересам (хи-квадрат = 11,816, $df=1$, $Sig.=0,001$), чаще оказываются в курсе о случившихся ситуациях кооперации. Примечательно, что знакомство с соседями

(хи-квадрат = 4,470, $df=4$, $Sig.=0,023465$) и факт общения с соседями по площадке (хи-квадрат = 0,102, $df=1$, $Sig.=0,749$) или дому (хи-квадрат = 1,154, $df=1$, $Sig.=0,283$) не отражается на осведомленности о кооперативной помощи. Для осведомленности в данном вопросе соседям необязательно состоять в социальных сетях дома — с этим фактором связи не обнаружено (хи-квадрат = 0,463, $df=1$, $Sig.=0,496$). Также неважны ни наличие мероприятий УК/ТСЖ (хи-квадрат = 0,511, $df=1$, $Sig.=0,475$), ни участие в них (хи-квадрат = 0,016, $df=1$, $Sig.=0,899$).

Объединения. Осведомленность об объединениях, помогающих жильцам, не связана с личными характеристиками респондентов, и только на десятипроцентном уровне значимости связана с общением с соседями: те, кто общается с соседями по этажу (хи-квадрат = 3,650, $df=1$, $Sig.=0,056$) / дому (хи-квадрат = 3,645, $df=1$, $Sig.=0,056$), чаще знают о подобных объединениях. Других предикторов осведомленности о наличии оказывающих помощь жильцам объединений не было обнаружено. Среди мероприятий, организованных силами самих жильцов без участия управляющей компании, наиболее популярными среди респондентов выступили участие в субботниках (уборке придомовой территории и публичных пространств), совместном праздновании Масленицы, Нового года, посадках цветов и кустарников. Заметно реже жильцы вовлечены в деятельность клубов по интересам или украшение собственных подъездов (табл. 2).

Таблица 2

Мероприятия, организованные жильцами

№	Мероприятия	Кол-во ответов
1	Субботники	127
2	Праздники	89
3	Посадки	63
4	Клубы	31
5	Украшение подъезда	29
6	Сбор денег на благоустройство	14

В среднем жильцы участвуют в одном типе мероприятий. При этом часть жильцов не участвовали ни в одном мероприятии вовсе (124 человека), тогда как некоторые респонденты демонстрируют весьма высокую активность: 23 человека участвовали в трех типах, а 58 — в двух типах мероприятий.

Из всех имеющихся в базе показателей активизма для моделирования было выбрано участие жильцов в собраниях. Во-первых, на этот вопрос мы получили наибольшее количество ответов. Во-вторых, вопрос об участии в собраниях является единственным показателем действий, а не знаний жителей КОТ. Речь идет не просто об их осведомленности о проблемах, активистах и прочем, но и о реальном участии, что крайне важно для проверки заявленной гипотезы.

Мы проанализировали, какие из представленных выше факторов в большей мере связаны с участием жильцов в собраниях, сопоставили роль знакомства с соседями, общения с ними и совместного времяпрепровождения. В регрессию включены только факторы, значимо связанные с участием в собраниях, а также набор контрольных переменных (КОТ, возраст, образование) — их эффект не обсуждается.

Таблица 3

Регрессионная модель факторов участия в собраниях жильцов

<i>Predictors</i>	Участие в собраниях жильцов		
	<i>Odds Ratios</i>	<i>CI</i>	<i>p</i>
(Константа)	0.39	0.03–5.49	0.484
Северная долина (ср. с Семь Столиц)	1.38	0.69–2.74	0.364
Проживание (менее года ср. менее полугода)	0.37	0.09–1.44	0.151
Проживание (1–2 года ср. менее полугода)	0.33	0.09–1.24	0.100
Проживание (3–5 лет ср. менее полугода)	0.14	0.03–0.55	0.005
Проживание (более 5 лет ср. менее полугода)	0.18	0.04–0.88	0.034
Общение с соседями по этажу (да)	3.36	1.41–8.04	0.006
Проводит время с соседями (да)	2.49	1.15–5.41	0.021
Пол (ж)	2.34	1.13–4.82	0.021
Наблюдений	188		
R ² Tjur	0.182		

* При контроле по возрасту и образованию.

Полученная на основе применения бинарной логистической регрессии модель (табл. 3) в целом подтверждает нашу основную гипотезу: социальный капитал жильцов положительно связан с шансами их самоорганизации. Так, основными предикторами оказываются факторы общения с соседями по этажу и времяпрепровождения с соседями. Те, кто общается с соседями, имеют в 3,36 раза более высокие шансы участвовать в собраниях жильцов. Для тех, кто проводит с соседями вместе время, шансы на участие в собраниях оказываются выше в 2,34 раза.

Также значимым фактором оказалось время проживания в данном ЖК: те, кто живет в этом месте дольше (3–5 или более 5 лет), имеют значительно меньшие шансы на участие в собраниях (в 0,14 и 0,18 раз соответственно), чем те, кто живет в этом месте менее полугода. То есть новые жильцы более активно вовлекаются в жизнь соседства. Наконец, женщины чаще участвуют в собраниях, чем мужчины. При этом разницы между КОТ не обнаружено: выявленные закономерности одинаково работают как в «Северной долине», так и в «Семь столиц». Интерактивных эффектов также обнаружено не было.

Заключение

Мы предприняли попытку определить взаимосвязь составляющих внешнего связующего социального капитала жильцов («эффект соседства») с измерениями соседского активизма («коллективная эффективность») в двух анклавно расположенных и испытывающих инфраструктурные проблемы КОТ (комплексного освоения территорий) «Северная долина» и «Семь столиц» в Санкт-Петербурге. В данных КОТ нами была обнаружена незначительная асимметрия в параметрах социального капитала, предположительно связанная с временем постройки и, соответственно, заселения жилищных комплексов. На основе проведенного количественного исследования и применения простых бинарных тестов нам удалось обнаружить следующие закономерности:

- (1) давность проживания, статус собственника, коммуникация жильцов с соседями положительно связаны с их осведомленностью о собраниях, клубах по интересам и проведении мероприятий;
- (2) статус собственника жилья, знание соседей по дому и в целом общение с соседями, присутствие в группах в социальных сетях дома, а также в мероприятиях, организованных управляющей компанией, положительно связаны со знанием жильцов о случаях соседской самоорганизации;
- (3) статус собственника жилья, знакомство и коммуникация с соседями, присутствие жильцов в группах в социальных сетях дома, участие

- в мероприятиях, организованных силами управляющей компании положительно связаны со знанием о случаях самоорганизации;
- (4) знакомство и коммуникация с соседями, присутствие жильцов в группах в социальных сетях дома положительно связаны с осведомленностью о деятельности активистов;
 - (5) знакомство с соседями, но не в обязательной мере коммуникация с ними положительно связаны с осведомленностью о случаях оказания нуждающимся кооперативной помощи;
 - (6) общение с соседями положительно связано со знанием о деятельности соседских объединений.

Бинарная логистическая регрессия позволила подтвердить главную гипотезу о связи социально капитала жителей квартала с их активизмом. Были обнаружены значимые эффекты длительности проживания, коммуникации с соседями по этажу, случаев совместного проведения времени с соседями, а также женского пола респондентов изученных ЖК на их шансы принимать участие в собраниях жильцов.

В целом мы можем заключить, что гипотеза о связи «эффекта соседства» в изучаемых анклавно расположенных жилых комплексах с «коллективной эффективностью» — готовностью жильцов вовлекаться в коллективное действие на благо соседского сообщества — подтвердилась.

Тем не менее мы не можем исключить так называемый эндогенный эффект, который указывает на то, что при наличии статистически значимой связи между изучаемыми параметрами направление такой связи не установлено. В нашем случае затруднительным представляется определить, наличие уже наработанного социального капитала жильцов ведет к их активной деятельности на благо соседского сообщества или же, наоборот, активное участие и вовлечение жильцов изучаемых ЖК в соседский активизм приводит к увеличению знакомств и в итоге наращиванию ими социального капитала. Прояснение данного обстоятельства может выступить поводом для дальнейших социологических исследований.

Литература

Абрамов Р. (2017) Коммунальные конфликты и соседские сообщества в новых пригородах: опыт кейс-стади. *Материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства, 3–5 апреля 2017 г.* СПб.: Норма: 280–298.

Аксенов К.Э. (2014) Тенденции развития городской среды крупного постсоциалистического города: есть ли уникальное в универсальном? (на примере Санкт-Петербурга). *Современные производительные силы*, 3: 22–36.

Браде И., Махрова А.Г., Нefeldова Т.Г., Трейвиш А.И. (2015) Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2: 19–29.

Бредникова О., Запорожец О. (2016) Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов). *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 2: 103–119.

Бреславский А.С. (2016) Какой может быть российская субурбанизация? *Мир России. Социология. Этнология*, 25(1): 79–102.

Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г., Фелпс Н.А. (2010) Применение концепции «Окраинного города» для анализа современных процессов урбанизации в РФ (на примере г. Химки). *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 3: 48–54.

Григоричев К.В. (2013) «Виртуальный» пригород: конструирование общества в интернет-форумах. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 2: 270–281.

Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю. (2015) Формы социальной активности в новых территориальных сообществах. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1(125): 82–90.

Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю., Соловьева Ю.В. (2015) Жители новых российских пригородов: «чужие» или «свои»? *Социологический журнал*, 4: 61–79.

Комков Д.Е., Киричек П.Н. (2017) Регионы в зоне демографического риска: минус-тенденции миграции и урбанизации. *Регионоведение*, 1(98): 139–148.

Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А. (2012) Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 1: 86–98.

Петрова З.К. (2013) Значение развития малоэтажной жизнеобеспечивающей жилой застройки для будущего России. *Academia. Архитектура и строительство*, 1: 88–98.

Урбан Ф. (2019) *Башня и коробка. Краткая история массового жилья*. М.: Strelka Press.

Bell S.R., Clay K.C., Murdie A. (2012) Neighborhood watch: spatial effects of human rights INGOs. *The Journal of Politics*, 74(2): 354–368.

Blinnikov M., Shanin A., Sobolev N., Volkova L. (2006) Gated communities of the Moscow green belt: newly segregated landscapes and the suburban Russian environment. *GeoJournal*, 66(1–2): 65–81.

Boardman J.D., Robert S.A. (2000) Neighborhood socioeconomic status and perceptions of self-efficacy. *Sociological Perspectives*, 43(1): 117–136.

Brade I., Makhrova A., Nefeldova T. (2014) Suburbanization of Moscow s urban region. *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Chichester: John Wiley and Sons; Ltd Published: 97–132.

Coppens T., Van Dooren W., Thijssen P. (2018) Public opposition and the neighborhood effect: How social interaction explains protest against a large infrastructure project. *Land use policy*, 79: 633–640.

Harding A., Blokland T. (2014) *Urban theory: a critical introduction to power, cities and urbanism in the 21st century*. London: Sage.

Kim H.-Y. (2018) Effects of social capital on collective action for community development. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 46(6): 1011–1028.

Larsen L. et al. (2004) Bonding and bridging: Understanding the relationship between social capital and civic action. *Journal of Planning Education and Research*, 24(1): 64–77.

Lentz S. (2006) More Gates Less Community? Guarded housing in Russia. *Private Cities: Global and local perspectives*. G. Glasze, C. Webster and K. Frantz (eds.). Oxto: Routledge: 201–216.

Low S.M. (2001) The edge and the center: Gated communities and the discourse of urban fear. *American anthropologist*, 103(1): 45–58.

Portes A., Sensenbrenner J. (1993) Embeddedness and immigration: Notes on the social determinants of economic action. *American journal of sociology*, 98(6): 1320–1350.

Remezko V., Gutkovich V., Spirina M. (2016) Russia's way to suburbanization: Moscow and Saint Petersburg experience. *Городские исследования и практики*, 1(1): 24–38.

Sampson R.J. (2001) Crime and public safety: Insights from community-level perspectives on social capital. *Social capital and poor communities*. Saegert S. Thompson J. P., Warren M.R. (eds.). N.Y.: Sage: 89–114.

Sampson R.J. (2012) *Great American city: Chicago and the enduring neighborhood effect*. Chicago: University of Chicago Press.

Sampson R.J. (2011) Neighborhood effects, causal mechanisms and the social structure of the city. *Analytical sociology and social mechanisms*. P. Demeulenaere (ed.). Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press: 227–250.

Sampson R.J., Raudenbush S.W., Earls F. (1997) Neighborhoods and violent crime: A multilevel study of collective efficacy. *Science*, 277(5328): 918–924.

Snyder M.G., Blakely E.J. (1997) *Fortress America: gated communities in the United States*. Washington: Brookings Institution Press.

TRAPPED BY THE “NEIGHBORHOOD EFFECT”: SOCIAL CAPITAL AND ACTIVISM IN THE NEW ENCLAVE CONDOMINIUMS

Elena Tykanova^a (elenatykanova@gmail.com)

Ksenia Tenisheva^b (ktenisheva@hse.ru)

^aThe Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

^bHigher School of Economics, Campus in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Citation: Tykanova E., Tenisheva K. (2020) V plenu «effekta sosedstva»: sotsial'nyy kapital i aktivizm v novykh anklavnykh zhilishchnykh kompleksakh [Trapped by the “neighborhood effect”: social capital and activism in the new enclave condominiums]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(2): 7–35 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>

Abstract. For Russia, the emergence of the enclaved high-rise housing complexes on the outskirts of big cities is a comparatively new phenomenon. It is closely knit with the peculiarities of the domestic construction and housing policy. The inhabitants of these districts face the necessity to solve multiple issues related to substantial infrastructure problems. These include access to social services and public transportation, technical maintenance of the houses, territory beautification. The process of the solution to these problems may lead to the cooperation of the inhabitants. The aim of the article is to investigate the relationship between the social characteristics of the tenants of these condominiums in a large Russian city with their readiness to participate in the solution of the neighborhood problems, e.g. in the neighborhood activism. In particular, we focus on the relation between the neighborhood effect, measured as diverse configurations of the inhabitants' social capital forms, and the neighborhood collective efficacy — the readiness to conduct a collective action for the sake of common neighborhood good. The study is based on the original data collected in a street poll of the inhabitants of three large enclaved condominiums in the outskirts of St.Petersburg (“Severnaya Dolina”, “Sem’ Stolic” and “London”). Statistical analysis included the simple bivariate statistics and logistic regression. The results confirm the main hypothesis that the features of the social capital of the inhabitants are related to their knowledge of and participation in the neighborhood activities. Authors accept the limitation of the study: we are unable to prove the causality of the discovered effect, especially taking into account its hypothetically endogenous nature.

Keywords: condominium, activism, social capital, collective efficacy, neighborhood effect.

References

Abramov R. (2017) Kommunal'nyye konflikty i sosedskiye soobshchestva v novykh prigorodakh: opyt keys-stadi [Communal conflicts and neighborhoods in the new suburbs: case study]. *Materialy IX sotsiologicheskikh chteniy pamyati V.B. Golofasta* [Materials of IX sociological readings in memory of V. Golofast]. St. Petersburg: Norma: 280–298 (in Russian).

Aksenov K.E. (2014) Tendentsii razvitiya gorodskoy sredy krupnogo post-sotsialisticheskogo goroda: yest' li unikal'noye v universal'nom? (na primere Sankt-Peterburga) [Urban development trends of a large post-socialist city environment: is it unique in the universal? (on the example of St. Petersburg)]. *Sovremennyye proizvoditel'nyye sily* [Modern productive forces], 3: 22–36 (in Russian).

Bell S.R., Clay K.C., Murdie A. (2012) Neighborhood watch: spatial effects of human rights INGOs. *The Journal of Politics*, 74(2): 354–368.

Blinnikov M., Shanin A., Sobolev N., Volkova L. (2006) Gated communities of the Moscow green belt: newly segregated landscapes and the suburban Russian environment. *GeoJournal*, 66(1–2): 65–81.

Boardman J.D., Robert S.A. (2000) Neighborhood socioeconomic status and perceptions of self-efficacy. *Sociological Perspectives*, 43(1): 117–136.

Brade I., Makhrova A., Nefedova T. (2014) Suburbanization of Moscow s urban region. *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Chichester: John Wiley and Sons; Ltd Published: 97–132.

Brade I., Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treyvish A.I. (2015) Osobnosti suburbanizatsii v Moskovskoy aglomeratsii v postsovetskiy period [Suburbanization features in the Moscow agglomeration in the post-Soviet period]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 2: 19–29 (in Russian).

Brednikova O., Zaporozhets O. (2016) Vetep, ustalost' i romantika nochi (ob osobennostyakh novykh zhilykh massivov) [Wind, Fatigue, and Romance of the Night (on Peculiarities of New Residential Areas)]. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium. Russian Review of Social Research], 2: 103–119 (in Russian).

Breslavsky A.S. (2016) Kakoy mozhet byt' rossiyskaya suburbanizatsiya? [What could be the Russian suburbanization?] *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 25(1): 79–102 (in Russian).

Coppens T., Van Dooren W., Thijssen P. (2018) Public opposition and the neighborhood effect: How social interaction explains protest against a large infrastructure project. *Land use policy*, 79: 633–640.

Golubchikov O.Yu., Makhrova A.G., Phelps N.A. (2010) Primeneniye kontseptsii «Okrainnogo goroda» dlya analiza sovremennykh protsessov urbanizatsii v RF (na primere g. Khimki) [Application of the concept of “Edge City” for the analysis of modern urbanization processes in the Russian Federation (the example of Khimki)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography], 3: 48–54 (in Russian).

Grigoriev K.V. (2013) «Virtual'nyy» prigorod: konstruirovaniye soobshchestva v internet-forumakh [The «Virtual» suburb: constructing of a community in online forums]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye* [News of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies], 2: 270–281 (in Russian).

Harding A., Blokland T. (2014) *Urban theory: a critical introduction to power, cities and urbanism in the 21st century*. London: Sage.

Kim H.-Y. (2018) Effects of social capital on collective action for community development. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 46(6): 1011–1028.

Komkov D.E., Kirichek P.N. (2017) Regiony v zone demograficheskogo riska: minus-tendentsii migratsii i urbanizatsii [Regions in the zone of demographic risk: negative trends of migration and urbanization]. *Regionologiya* [Regionology], 1(98): 139–148 (in Russian).

Larsen L. et al. (2004) Bonding and bridging: Understanding the relationship between social capital and civic action. *Journal of Planning Education and Research*, 24(1): 64–77.

Lentz S. (2006) More Gates Less Community? Guarded housing in Russia. *Private Cities: Global and local perspectives*. Glasze G., Webster C., Frantz K. (eds.). Oxto: Routledge: 201–216.

Low S.M. (2001) The edge and the center: Gated communities and the discourse of urban fear. *American anthropologist*, 103(1): 45–58.

Petri O.V., Aksenov K.E., Krutikov S.A. (2012) Prigorodnyye zakrytyye zhilye komplekсы Sankt-Peterburga: nachalo segregatsii ili smena obraza zhizni? [Suburban closed residential complexes of St. Petersburg: the beginning of segregation or a change in lifestyle?] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle* [Bulletin of St. Petersburg University. Earth sciences], 1: 86–98 (in Russian).

Petrova Z.K. (2013) Znachenie razvitiya maloetazhnoy zhizneobespechivayushchey zhiloy zastroyki dlya budushchego Rossii [The importance of developing low-rise life-supporting housing development for the future of Russia]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 1: 88–98 (in Russian).

Portes A., Sensenbrenner J. (1993) Embeddedness and immigration: Notes on the social determinants of economic action. *American journal of sociology*, 98(6): 1320–1350.

Remezko V., Gutkovich V., Spirina M. (2016) Russia's way to suburbanization: Moscow and Saint Petersburg experience. *Городские исследования и практики*, 1(1): 24–38.

Sampson R.J. (2001) Crime and public safety: Insights from community-level perspectives on social capital. *Social capital and poor communities*. Saegert S., Thompson J. P., Warren M. R. (eds.). New York: Sage: 89–114.

Sampson R.J. (2011) Neighborhood effects, causal mechanisms and the social structure of the city. *Analytical sociology and social mechanisms*. P. Demeulenaere (ed.). Cambridge; New York: Cambridge University Press: 227–250.

Sampson R.J. (2012) *Great American city: Chicago and the enduring neighborhood effect*. Chicago: University of Chicago Press.

Sampson R.J., Raudenbush S.W., Earls F. (1997) Neighborhoods and violent crime: A multilevel study of collective efficacy. *Science*, 277(5328): 918–924.

Snyder M.G., Blakely E.J. (1997) *Fortress America: gated communities in the United States*. Washington: Brookings Institution Press.

Urban F. (2019) Tower and Slab. *Histories of global mass housing*. Moscow: Strelka Press (in Russian).

Zvonovskii V.B., Merkulova D.Y. (2015) Formy sotsial'noy aktivnosti v novykh territorial'nykh soobshchestvakh [Forms of social activity in new territorial communities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 1(125): 82–90 (in Russian).

Zvonovskii V.B., Merkulova D.Y., Soloviev Y.V. (2015) Zhiteli novykh rossiyskikh prigorodov: «chuzhiye» ili «svoi»? [Residents of new Russian suburbs: “strangers” or “friends”?] *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 4: 61–79 (in Russian).